

«Глубокоуважаемая и горячо любимая Ирина Константиновна!

Я очень давно порывалась написать Вам, но чувствовала, что не имею права отнимать у Вас драгоценное время. Но теперь, когда круг настоящих любителей настоящей музыки, к сожалению, сужается, появляется потребность сказать свое слово человеку, который все поймет и деятельность которого приковывает внимание всех, кто беспокоится за судьбу русской да и мировой культуры.

Становится очень страшно, когда подумаешь, что наступит такой момент, когда Вы не будете нам петь, когда мы забудем, что такое настоящий праздник, что такое настоящая русская школа пения, и этот момент будет гораздо страшнее, чем все предыдущие, когда переставали петь великие русские певцы и певицы».

Это письмо, полученное певицей на одном из ее недавних концертов в Ленинграде, и где обычные комплименты затеваются чувством тревоги, по-моему, характерно для нашего сегодняшнего дня. Я тоже к этому письму присоединяюсь, в особенности после прошлого сезона, когда Ирина Архипова отметила Год Петра Ильича Чайковского циклами его романсов, а также партией Графини в «Пиковой даме», где ее помнили Полиной. Немногом певицам удалось вобрать в своей творческой биографии такие полюса — немногим людям доступно с таким величием перейти из одной ипостаси в другую. На сцене появилась Графиня — Архипова, и по залу прошел трепет. Честно сказать, стало даже страшно, когда при наблюдении всех возрастных реальных, походке старческой, внешней немощи,

завучал этот дивный голос: ну ведьма, подумалось... Возник озноб, сквозящий и в пушкинском тексте: Герман в нее влюбится — и влюбился.

А потом были циклы романсов, спетые в Большом зале консерватории, в Бетховенском Большом театре, атом, атласом, не сумевшем всех желающих вместить, где публика не только неистовствовала — горевала: неужели, думали мы она так решила с нами проститься, обольтив, заманив их, уйдя, нас бросив? С этим голосом, во всей его красоте, страсти, силе?

Но что поразительно, пресса, музыкальные критики ничего как бы не заметили. Не было рецензий на это выдающееся в нашей культурной жизни событие. Не они, не специалисты, прокричали нашей великой певице: Ирина Константиновна, не покидайте нас...

А может быть, и тут, как и в других обстоятельствах, нам нужно было, чтобы нас пугнули? Ведь только тогда мы начинаем дорожить тем, что имеем, когда вот-вот нас могут этого лишиться? В прошлом сезоне, где Архипова проявила к нам, советским слушателям, такую щедрость, мелькнула догадка: вот почему и родители наши выжидали в эпоху, в восприятии нас, их детей, непроглядно черную. Действительно, было ужасно: аресты, репрессии. Но были и весны, была и любовь, были и такие концерты, после которых хотелось жить, — благодаря чему, возможно, и мы на свет появились.

Но так или иначе, для тревоги сейчас больше оснований, чем для ностальгии. С этого и начался наш разговор с Ириной Константиновной.

Надежда Кожевникова

Бег на длинную дистанцию

— Сейчас особенно важно помочь нашим музыкантам. Помочь им — значит сохранить наше исполнительское искусство, школу, традиции. А ведь что получается: при высоком качестве стоимости исполнительского искусства у нас в стране очень низкая. И многие уезжают. Но не только по причинам материального характера: дома трудно бывает найти работу. Классика делалась не нужна? Кроме того, в театре часть труппы должна быть постоянной, но для солистов, «звезд», необходим иной режим. Им надо ездить, гастролировать, расширять свой репертуар, ведь в наших театрах он, как правило, очень ограничен. Вообще это немисливо, тридцать лет, как я, например, петь в «Хованщине». Правда, сейчас стала практиковаться работа по контрактам, солисты уезжают в другие страны на год, на два. Это, между прочим, стоит делать и внутри страны, причем совсем не обязательно контракт должен быть долгим, с переменной места жительства, обменом жилплощадью, ломкой всего привычного. Возможен контракт и на один спектакль, после чего артист возвращается к себе, в свой театр. Репертуарная политика должна быть более гибкой. И для артиста необходимо обновление. Мне лично выступления на других сценах давали и дают очень много. Возвращаешься уже в ином качестве. Как в естественности: растение надо периодически пересаживать в другую почву, подпитывать, иначе оно хиреет.

— Ну, хорошо, а захотят ли наши артисты потом вернуться? Как их удержать?

— Удержать, мне думается,

просто: не запрещать. Если человек получает отдушину в этих выездах, надо, чтобы они у него были. И он вернется. — Возможно, я высказываю обывательскую точку зрения, но в ней есть все же доля правды: мы своих лучших артистов отпустили, а сами? Сама-то остались на баобах. Наша концертная жизнь становится все беднее, мы уже близки к нищенству. Пусть даже когда-то наши «звезды» снова домой вернуться, но мы, советские граждане, существуем, проживаем свои годы в их отсутствии. Даром это не пройдет ни для отечественной культуры, ни для, если хотите, нравственного климата. Разумеется, нельзя никого насильно держать, но когда происходит такой отток, как-то грустно себя чувствуешь на этом «празднике свободы».

— Если бы наша жизнь чуть-чуть хотя бы стабилизировалась, приблизилась бы к нормальности, никто бы об отъездах не думал. Жить дома — так естественно. А петь в Большом театре, в Большом зале, для каждого артиста — огромная честь.

— После семнадцатого года страна пережила трагический исход лучших из лучших, талантливейших. Но, как сейчас понимаешь, удивительно, что уехали не все. Почему? Если сравнивать то время и наше, для оставшихся больше было опасностей. Их мир рухнул, рухнули прежние святыни, представления, правила, да и само физическое существование оказалось под угрозой. А развал тогдашний, прямо скажем, был пострашнее нынешнего. Но духовный заряд, значит, был накоплен в людях, столь мощный, что жестокая

стихия, варварский натиск не смогли все смести на своем пути. Наша отечественная культура, искусство сохранились, традиции обрели преемственность благодаря тому, что наша интеллигенция, лучшая ее часть — да, принесли себя в жертву. Такова была цена, заплаченная нашими предшественниками за то, чтобы будущие поколения отличались истинное от подделки, нуждались в поэзии, в классике. А что же теперь? Все буд-то разом протрезвели. Было бы лицемерием за это осуждать. Но напрашивается вывод: за семь десятков лет мы, что бы кто ни говорил, дагались не в том направлении, коли заглох источник, откуда столетиями черпались силы для, прошу прощения за высокий «штиль», бескорыстного служения, жертвенности во имя высоких идеалов. Причем не только интеллигенция — народ в целом выдерживал стойко давление куда более сильное, и вдруг самая малость по сравнению со всем этим дала сдвиг — терпеть надоело. Не для чего.

— Люди поняли, что их труд оплачивается неправильно, несправедливо. Почувствовали себя униженными. — Тогда все рухнуло, можно сказать, в одночасье, и еще оставались силы. А тут десятилетиями подтачивалось. — Какая-то тупая несправедливость — она еще оскорбительней. — Но что касается вас, нынешние «ослабления» вас лично ничем новым не одарили. Вы ездили, гастролировали, участвовали в спектаклях «звезд» мирового класса, что называется, входили в десятку, и общие правила на вас

не распространялись. Все звания, все награды, которые только есть в стране, вы получили. Правда, вас в деньгах обирали, и чем выше становились ваши валютные гонорары, тем с вас больше изымали. И что же, не обидно было?

— Обидно. Привозишь деньги, много денег, а тебе еще и не доверяют. Сошка какая-нибудь глядит на тебя подозрительно, выспрашивает, мол, не утаила ли ты еще что-то...

— И вы в таких случаях не срывались?

— Срывалась и сейчас срываюсь. Бывает просто невозможно переносить незаслуженное оскорбление вместо благодарности. Тебя воспринимают точно какой-то автомат, что-то вроде кассы, выдающей купюры. Как можно так беспардонно эксплуатировать две крохотные, тонюсенькие голосовые связки? И женщину, которой иногда хотелось купить нарядное, красивое, теплое...

— И тем не менее вы возвращались и возвращаетесь...

— А как иначе? Хотя в разговорах вопрос этот постоянно всплывает. Недавно о том же мы говорили с моим импресарио в Англии. Я ему сказала: что бы там ни было, но дома я чувствую себя лучше всего, именно там работаю в полную силу. И он понял, сказал: вы, Ирина, — счастливая женщина.

— Конечно, для творческого человека это самое главное. Но, к сожалению, при сложившейся сейчас у нас в стране ситуации для многих, если не для большинства, тут как раз самое больное: не получают люди удовлетворения от того, что они делают. И это

не связано с талантом. Точнее, чем человек одареннее, тем острее он переживает такой разлад, состояние ненужности обществом, эпохой. Когда мои друзья-музыканты приезжают после зарубежных гастролей, рассказывают, что больше всего их поражает и ранит вместе с тем контраст — как там их публика принимает и как здесь дома. Там, и в больших роскошных залах, и в крохотных, где-нибудь в провинции, на концерты классической музыки помоятся, висят, что называется, на люстре. А у нас — пустые ряды, причем даже когда выступают замечательные артисты и репертуар интереснейший. Опять же напрашивается параллель с прошлым, когда в голод, и в холод, даже в войну шли люди в театры, на концерты, не мыслили своего существования без музыки, без классики. Что же, выходит, это была другая людская порода? И теперь она вывелась? Значит, мы, наше общество, не сумели тут преемственности сохранить. Между тем как в другом мире, где все деньгами меряется, за тот же период времени выросли поколения любителей, почитателей музыкального искусства. А все просто: у них заботились о музыкальном образовании, массовом, широкоохватном, у нас же вундеркиндов, лауреатов выращивали. В результате музыка оказалась доступна только специалистам. И хотя на ваших, Ирина Константиновна, выступлениях, залы переполнены, думаю, эта общая атмосфера не может вас не беспокоить.

— Ну тех, кто по-настоящему любит музыку, у нас все еще много. Хотя люди так выматываются, что в концерт

идти бывает просто уже нет сил. Да и небезопасно: возвращаться приходится поздно, а далекие концы. Вот и теперь, когда я пела в Ленинграде, администрация филармонии призналась, что такой сбор — редкость. И, в общем, это, можно сказать, подвиг, что люди, несмотря на тревожную обстановку в городе, пришли на концерт, просто-таки рискуя.

— Тогда вы и получили записки, где, как рефрен, повторяется: «Ирина Константиновна, не покидайте нас, слушателей, надолго». Похоже на спор. Но если серьезно, их беспокойство не обосновательно. Стольких замечательных артистов мы уже лишились.

— Отъезд для артиста, может быть, и нужен, как с житейской, так и с профессиональной точки зрения, но для публики — это, что ни говори, предательство. Если в нынешних обстоятельствах вы их бросили, изменили...

— Но вы сами говорили, что отъезды бывают вынужденными: когда дома работы нет, а то, что ты делаешь, явно недооценивается...

— Обида — плохой советчик. Когда мне бывает трудно, я, по совету еще своей учительницы Надежды Матвеевны Малышевой, начинаю раз-

ушивать новые произведения,

это так увлекает, что неприятности забываются. И силы откуда-то берутся, и вдруг, как бы сам собой, появляется выход, хотя только что казалось — все, тупик. Кстати, так у меня началась концертная деятельность, ведь до того я выступала только на оперной сцене. Но узость репертуара в наших театрах стала угнетать, и я задумалась, что делать?

— В таких случаях, можно собирать чемодан, попробовать себя в иных обстоятельствах, тем более когда в победе нет сомнений.

— А можно, оставаясь на прежнем месте, поискать какие-то скрытые ресурсы в самой себе, что тоже порой приводит к удаче. Мне по крайней мере обращение к камерным произведениям дало очень много. Помимо прекрасной музыки, я познакомилась с удивительными людьми — потомками великих наших композиторов Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова. У нас возникли совместные планы по сохранению и возрождению музеев их замечательных предков. И сейчас мы продолжаем начатое, устраиваем в музеях-квартирах, музеях-усадебных концерты. И все это оказалось естественным продолжением, дополнением того, что я делаю как певица.

— Помню, лет пятнадцать назад мы с вами говорили об использовании памятников архитектуры в оперных постановках, концертах — как это должно было бы впечатлять! Тогдашняя публикация так и называлась «Богатство нашего дома». И что же, это богатство, потрясающая акустика соборов, естественная

декорация древних крепостных стен, на фоне которых разворачивалось бы действие, все это как и осталось пока что «неоцененным». Кажется, очередную попытку вы предприняли с год назад, предложив к юбилею Мусоргского поставить «Бориса Годунова» на территории Московского Кремля? И снова не получилось?

— Не получилось, по «кремлевским» соображениям. Но сейчас, как я слышала, Союз театралных деятелей собирается поставить «Хованщину» на Красной площади. Так что идея не погибла.

— Но если бы вы только на ней сосредоточивались, терпение могло бы уже и лопнуть. А вот, скажем, вы столько времени, сил потратили на организацию конкурсов Глинки, Чайковского, председатели в жюри: наверное, раньше это было необходимо, а теперь?

— Да, говорят, что конкурсы стали не нужны, поскольку теперь и без всяких отборочных прослушиваний самим можно ездить, получать премии. Мол, дома попридержали, а за границей — успех. Но у нас действительно много отличных голосов, здоровых, тембрных — есть из чего выбирать. Риккардо Мути сказал как-то: если Советский Союз откроет границы, кое-кому из европейских знаменитостей станет нечего делать.

— А в самом деле, нужны сейчас конкурсы?

— Нужны. Ведь это еще и форум, и совсем не обязательно, чтобы вы непременно премию получили, само ваше присутствие там многое может вам дать. Прежде всего определяется сегодняшний уровень вокальной школы, что важно и самим исполнителям, и их педагогам, концертмейстерам, которые тоже на конкурсы приезжают. Бывает, скажем, что кого-то считают лучшим в училище, но это совсем не значит, что он и лучший в республике, тем более в стране. Возможны переоценки, но и недооценки тоже. Например, Хворостовский. Он из Красноярска. Но не думаю, что в Красноярске его дяр распознали, как он того был достоин. А вот на конкурсе, в сравнении с другими, тот комплекс данных, которым Хворостовский обладает, проявился во всей полноте.

— А, возможен, допустим, помимо конкурсов, еще и другой путь, скажем, для одинок, которые берут весь риск целиком на самих себя, за себя отвечают — и либо проигрывают, либо выигрывают?

— Это, знаете ли, очень похоже на сорняк, который способен полностью забить поле, и уже настоящие цветы гибнут. А кроме того, конкурсы создают атмосферу праздничности, приподнятости — и ощущение того, что еще не все потеряно...

— Тем не менее отношение к конкурсам сейчас скептическое, как, пожалуй, и к другим структурам, связанным с нашим недавним прошлым, что объясняется общей нашей разочарованностью.

— Но конкурсы проводятся во всем мире. Это форма поддержки культуры, ибо культура, как во всех цивилизованных странах понимают, сама себя прокормить не может.

Поэтом и назначаются денежные премии.

— Как бы меценатство?

— И рынок тоже. К победителям — внимание. Все это необходимо, чтобы помочь талантливой молодежи. Иначе нет продолжения, нет преемственности традиций.

— Допускаю, что в отношении к конкурсам сказала наша страсть к разрушению. Хотя, повторю, на мой взгляд, не все индивидуально, пригодны для конкурсных испытаний, и не выдерживают их не от недостатка одаренности, от особенности, скажем, психики. Гонка конкурсная им противопоказана, зато в концерте они покоряют зал. Кстати, вы сами, Ирина Константиновна, прошли конкурсное горнило?

— Да, в самом начале своей карьеры, еще в Свердловске. Тот международный конкурс, где я получила золотую медаль, проходил в рамках фестиваля, других форм тогда еще не было, но претенденты приехали со всего мира. Так что по себе знаю, как важно проверить себя, свои возможности. Такая закалка необходима.

— Ирина Константиновна, тут возможны разные точки зрения, но мне, например, кажется, что жизнь в искусстве — это все-таки бег на длинную дистанцию. Надо сохранять форму, а певице — в особенности: режим нужен, нужно себя беречь. А с другой стороны, такие образы, как Марфа в «Хованщине», Кармен или, скажем, Амнерис, трагические, роковые, требуют подпитки, так сказать, кровью сердца, познавшего страдание, боль. Как вам это удается? Ведь, как я понимаю, в жизни вы не склонны ничего драматизировать, да и вроде не возникало особых причин...

— О чем вы говорите! Моя жизнь вовсе не была благополучной, гладкой. Это только может показаться с далекого расстояния. А кроме того, наверное, я умею себя уговаривать...

— Так откуда же тогда это ощущение от вашей Графини, Пиковой дамы, что все бури пережить, все страсти испытаны? Или в искусстве переживать не обязательно, можно вообразить, угадать?

— Если бурям поддаваться, можно погибнуть. Тут тоже нужны воля, способность к сопротивлению. Нужен стержень.

— И что же вас держало и держит?

— Все-таки моя работа, творчество. Работа и забота, постоянная занятость, перегруженность даже. Но благодаря тому, мелочи сами собой отпадают. На них просто не остается ни времени, ни сил.

— Тут какая-то тайна, но в творчестве все просачивается, и характер, и судьба, и даже, казалось бы, почти неуловимые особенности природы. Думаю, поэтому так сейчас притягательны для слушателей ваш голос, ваше мастерство. Качество, совершенство, что даются именно преодолением. И хочется верить, что и в каждом из нас есть, заложена такая способность.

Фото Н. Евстигнеевой.